

4. Политиками, деятелями науки, образования и культуры должна быть разработана система мероприятий, реализация которой будет призвана активизировать межкультурный диалог цивилизаций Востока и Запада.

А.А.Павильч, доктор культурологии, доцент
УО «Минский государственный лингвистический университет»

ЛОКАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Мусульманская культура, возникнув в среде арабских племен Аравийского полуострова, в процессе арабских завоеваний распространялась за его пределами. Локальные модели исламской культуры сформировались в Европе, Северной Африке, ближневосточном и азиатском регионах, включая территории ираноязычных и тюркоязычных народов. Ареал распространения ислама значительно расширился в результате воинствующей политики Османской империи, претендовавшей на роль абсолютного лидера исламского мира.

Путевые заметки И. Бродского («Путешествие в Стамбул») отражают неудачную попытку создания обобщенного образа мусульманской культуры на основе личных впечатлений поэта о реалиях крупнейшего центра турецкой культуры. Выдавая частности стамбульской повседневности за закономерности мусульманской жизни, И. Бродский оказался чрезмерно пристрастным в выражении своих антипатий к исламской культуре в целом. Он безосновательно называет Стамбул «бредом и ужасом Востока» и «пыльной катастрофой Азии». Благоприятность почвы для ислама в Византии он объяснил полиэтничным составом населения, не обладавшего «памятью о какой-либо внятной традиции индивидуализма»¹⁶⁴.

Осуществляя компаративный анализ разных исторических, этнонациональных и конфессиональных типов культуры, немецкий исследователь XIX в. Р. Гюнтер не обходился без резкой критики культурных реалий отдельных народов и не жалел едких метафор при оценке их исторической миссии в мировой цивилизации¹⁶⁵.

И. Кант отнес Турцию наряду с Россией к культурам, отличающимся полиэтничным составом и разными генетическими истоками народов. Они сближаются своим государственно-политическим строем, в котором нет свободы, а следовательно никто не пользуется правом гражданина. В компаративных наблюдениях И. Канта определяющим критерием для выявления устойчивых различий в этнокультурном и конфессиональном измерении локальных культур служили степень и формы проявления прекрасного и возвышенного в конкретной культурной среде («Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», «Антропология с прагматической точки зрения»). Сравнительный анализ культур на основе категорий прекрасного и возвышенного, примененных в кантовском учении о чувственности и экстраполированных в сферу культурной антропологии, позволил определить индивидуальные особенности национальных темпераментов, стереотипов поведения и жизнедеятельности, доминант творчества и коммуникативных отношений¹⁶⁶.

Сопоставление этнопсихологических и коммуникативных характеристик, направлений и форм творческой деятельности разных европейских и восточных народов позволило И. Канту сделать заключения, определяющие сущность выявленных им межкультурных различий и типологического сходства. Темпераменты европейцев в

¹⁶⁴ Бродский И. Сочинения / И. Бродский. — СПб. : Пушкинский фонд, 1999. — Т. 5. — 376 с.

¹⁶⁵ Гюнтер Р. История культуры / Р. Гюнтер. — СПб. : Издание А.С. Суворина, 1901. — С. 143.

¹⁶⁶ Павильч А.А. Становление и трансформация статуса культурологической компаративистики: монография / А.А. Павильч. — Минск : МГЛУ, 2011. — 260 с.

зависимости от степени и динамики проявления чувств и эмоций во многом соответствуют темпераментам восточных народов. Факты присутствия в коммуникативной действительности арабов элементов необычного и черт причудливого, их горячее воображение, обуславливающее восприятие вещей в «неестественном и искаженном свете», дали основание обнаружить в них образ «испанцев Востока»¹⁶⁷. Сравнение коммуникативных моделей гендерных отношений в западных и восточных культурах выявляет способность европейцев гармонизировать чувственное наслаждение, моральность и благопристойность в отличие от «совершенно извращенного вкуса» представителей Арабского Востока, ведомых желанием властвования и лишаящих себя ценности чувственных наслаждений¹⁶⁸. Способность персов к поэтическому творчеству, вежливость и обладание довольно тонким вкусом, отсутствие строгой привязанности к религии, непоследовательность в исповедании ислама, склонность к свободному истолкованию Корана, неустойчивость нравов и пристрастие к веселью позволили отождествлять их с «французами Азии»¹⁶⁹.

Благодаря соответствующему жанровому решению философского романа «Персидские письма» Ш.Л. Монтескье показаны типичные особенности восприятия западной культуры ираноязычными представителями мусульманского мира. Находящиеся в Европе персы в письмах на свою родину рассказывают о непривычных им нравах, обычаях, ценностных предпочтениях и суетливых ритмах жизни европейцев. Они поражены чрезмерной свободой, несдержанностью женщин, «неутомимым желанием нравиться», называя все это «пятнами на их добродетели и оскорблениями для их мужей». Персы возмущены «грубым бесстыдством» французенок и ностальгически очарованы благородной простотой, милой скромностью, тихой и ровной жизнью мусульманок, которые «не играют в карты, не проводят бессонных ночей, не пьют вина»¹⁷⁰. Сравнивая коммуникативные стили, гендерные отношения, стереотипы поведения европейцев и азиатов, рассуждая об идеалах красоты, свободе и статусе женщин и мужчин, героини «Персидских писем» пытаются сохранить объективность, взвешенность и беспристрастность. Об этом свидетельствует их объективный подход к критическому анализу реалий обеих культур, что подтверждается следующими выводами: «персиянки красивее французенок, зато француженки милевиднее»; «трудно не любить первых и не находить удовольствия в общении со вторыми: одни нежнее и скромнее, другие веселее и жизнерадостнее»¹⁷¹; «мужчины в Персии не отличаются живостью французов: в них не чувствуется той духовной свободы, и нет у них того довольного вида, которые я замечаю здесь»¹⁷²; «европейцы считают, что невеликодушно причинять огорчение тем, кого любишь, а наши азиаты отвечают, что для мужчины унизительно отказываться от власти над женщинами, которую сама природа предоставила им»¹⁷³.

Устами путешествующих персов Ш.Л. Монтескье дал сравнительную характеристику христианства и ислама, установил черты сходства между традициями, догматическими положениями веры и культовыми сторонами религий (представления

¹⁶⁷ Кант И. Сочинения : в 6-и т-х. / И Кант ; пер. с нем.; под общ. ред. В.Ф. Асмуса [и др.]. — М.: Мысль, 1964. — Т. 2. — С. 178.

¹⁶⁸ Кант И. Сочинения : в 6-и т-х. / И Кант ; пер. с нем.; под общ. ред. В.Ф. Асмуса [и др.]. — М.: Мысль, 1964. — Т. 2. — С. 180.

¹⁶⁹ Кант И. Сочинения : в 6-и т-х. / И Кант ; пер. с нем.; под общ. ред. В.Ф. Асмуса [и др.]. — М.: Мысль, 1964. — Т. 2. — С. 178.

¹⁷⁰ Монтескье Ш.Л. Персидские письма / Ш.Л. Монтескье; пер. с фр. под ред. Е.А. Гунста. — М.: Элиста, 1988. — С. 70.

¹⁷¹ Монтескье Ш.Л. Персидские письма / Ш.Л. Монтескье; пер. с фр. под ред. Е.А. Гунста. — М.: Элиста, 1988. — С. 70.

¹⁷² Монтескье Ш.Л. Персидские письма / Ш.Л. Монтескье; пер. с фр. под ред. Е.А. Гунста. — М.: Элиста, 1988. — С. 71.

¹⁷³ Монтескье Ш.Л. Персидские письма / Ш.Л. Монтескье; пер. с фр. под ред. Е.А. Гунста. — М.: Элиста, 1988. — С. 76.

о рае и аде; вера в божественную милость, чудеса Господа, существование ангелов и злых духов; соблюдение постов и др.), сделав при этом неожиданный для христианского сознания европейца вывод: «Я всюду нахожу здесь магометанство, хотя и не нахожу Магомета»¹⁷⁴. Отличительные особенности христианства обнаруживаются в том, что «у христиан большое расстояние от исповедания веры до подлинных верований», у них нет тех живых религиозных убеждений, какие обнаруживаются у мусульман, а «религия служит не столько предметом священного почитания, сколько предметом споров, доступных всем и каждому»¹⁷⁵.

Философская и поэтическая рецепция восточных культур представлена в многоплановом творческом наследии И.В. Гёте. Его позиция относительно связи Запада и Востока в пространстве мировой художественной культуры и идея их гуманистического универсализма отражены в стихотворном цикле «Западно-восточный диван». В стихотворении «Четыре блага» автор компактно и колоритно представил совокупность этнографических и историко-культурных деталей, из которых выстраивается органичный и завершённый образ араба-мусульманина с его противоречивым темпераментом и жизненным укладом:

Чтоб был араб во всех делах,
На всех путях счастливым,
Четыре блага дал аллах
Сынам благочестивым:
Тюрбан, красивейший убор
Корон, всех взятых вместе;
Еще — передвижной шатер,
Чтоб жить во всяком месте;
И меч, что лучше защитит,
Чем скалы и ограды;
И песнь, что сердце веселит,
Которой девы рады¹⁷⁶.

Анализ семиотического измерения культурного наследия цивилизаций Ближнего Востока позволил обнаружить многочисленные факты влияния природной среды на повседневность, быт и формирование индивидуальных обликов культуры. Обособленность арабских племен Аравийского полуострова в свою очередь обуславливала их консерватизм и относительную независимость. Истоки их индивидуальности и самостоятельности Г.В.Ф. Гегель объяснял традиционным укладом кочевой жизни в древнейший период истории: «живя в пустынях, в бесконечном море своих равнин <...> они полагались в этой природе на собственную храбрость, силу своего кулака и на средства своего самосохранения — на верблюда, коня, копьё и меч»¹⁷⁷. Все обширное азиатское пространство, несмотря на его географическую неоднородность, Г.В.Ф. Гегель отождествлял с ареалом формирования типичного восприятия мира и ценностных доминант, определивших цивилизационное единство Востока.

В работе «О духе законов» Ш.Л. Монтескьё сделал выводы о влиянии географических условий на ход исторического развития, своеобразии разных локальных культур и форм государственной власти; установил взаимозависимость между климатическими различиями и этнокультурными особенностями народов, их

¹⁷⁴ Монтескьё Ш.Л. Персидские письма / Ш.Л. Монтескьё; пер. с фр. под ред. Е.А. Гунста. — М.: Элиста, 1988. — С. 73.

¹⁷⁵ Монтескьё Ш.Л. Персидские письма / Ш.Л. Монтескьё; пер. с фр. под ред. Е.А. Гунста. — М.: Элиста, 1988. — С. 140.

¹⁷⁶ Гёте И. В. Избранные произведения : в 2 т. / И.В. Гёте. — СПб.: ООО «Изд-во Кристалл», 1999. — Т. 2. — С. 176.

¹⁷⁷ Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике : в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель пер. с нем. — СПб.: Наука, 1999. — Т. 1. — С. 462.

темпераментами, принятыми установлениями и нормативными моделями поведения в контексте определенной культуры¹⁷⁸. В непосредственной связи природной среды и физиологических особенностей человека рассматривалась сущность коранического запрета на употребление спиртных напитков, отождествляемого с «законом самого климата Аравии». Неуместность алкоголя в жизнедеятельности мусульманина, декларируемая в религиозном предписании ислама, была аргументирована французским просветителем со ссылкой на быстрое испарение в жарких условиях обитания водянистой составляющей крови и ее последующее сгущение, что в свою очередь неблагоприятно сказывается на здоровье человека.

Сравнительная интерпретация религий и этноконфессиональных общностей в контексте философии *жизни* Ф. Ницше строилась на основе его понимания степени конструктивного влияния религии в исторической и социокультурной динамике; на основе корреляции религиозных традиций, этнокультурных генотипов, национальных характеров («Веселая наука», «Антихрист», «По ту сторону добра и зла»). В результате были получены следующие компаративные обобщения:

- христианство «навсегда стерло с лица земли те великие добродетели, которыми изобиловала древность» ; «христианство погубило жатву античной культуры, позднее оно погубило жатву культуры ислама»¹⁷⁹;
- воплощением истинной культуры является «чудный мавританский культурный мир Испании», порожденный «благородными мужественными инстинктами», преисполненный утонченностей и воплощающий активное жизненное начало¹⁸⁰;
- мусульманский вариант культуры, утвердившийся в средневековой Испании, в большей степени соответствует ментальному складу немца, является «более нам родственным, более говорящим нашим чувствам и вкусу, чем Рим и Греция»¹⁸¹.

Объектами компаративных наблюдений у О. Шпенглера явились восемь оригинальных историко-культурных целостностей, среди которых выделен арабовизантийский (магический) тип культуры. Главным критерием их различия был символический прообраз мира каждой культуры, проецирующийся во всех сферах творчества ее представителей и отличающий одну культуру от другой. О. Шпенглер выявил содержательные различия между римским, западноевропейским и мусульманским правовым мышлением в контексте соответствующих историко-культурных общностей. Если античное право создавалось гражданами на основе практического опыта и являлось правом отдельных городов-государств, то ближневосточная культурная среда способствовала зарождению нового права, происходившего от Бога и явившегося правом религиозных общин. Таким образом, «граница между родиной и чужбиной пролегла в аполлонической культуре между двумя городами, а в магической — между двумя общинами верующих»¹⁸².

В современном мире Арабский Восток остается наиболее консервативным, придерживаясь в своей жизнедеятельности законов шариата — комплекса мусульманских юридических норм и принципов, закрепленных Кораном и регулирующих государственно-политическую и частную жизнь арабоязычных народов.

¹⁷⁸ Павильч А.А. Сравнительная культурология : пособие / А.А. Павильч. — Минск: МГЛУ, 2015. — 176 с.

¹⁷⁹ Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. — М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. — Т. 2. — С. 693.

¹⁸⁰ Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. — М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. — Т. 2. — С. 693-694.

¹⁸¹ Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. — М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. — Т. 2. — С. 694 с.

¹⁸² Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории : в 2-х т-х. / О. Шпенглер; пер. с нем. С.Э. Борич. — Минск : ООО «Попурри», 1999. — Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. — С. 87-88.

Под влиянием идей строгого монотеизма, запрещающих изображение Бога, людей и животных, в арабо-мусульманской культуре по особым эстетическим канонам развивается изобразительное искусство, исключая иконопись, портретную живопись и скульптуру. В исламе большое значение придается искусству декламации Корана, издавна развиваются искусство каллиграфии, книжной миниатюры, а также орнаментальной росписи (арабески), являющейся традиционным элементом мусульманской культовой архитектуры. Древнейшие традиции имеет изящная арабская и персидская поэзия, представленная разнообразными жанрами (касыда, газель, рубаи, месневи и др.).

Коран предписывает мусульманам нерасположенность к иноверцам, среди которых разграничиваются *многобожники* (язычники) и приверженцы монотеистических верований — *люди Книги*. Религиозный первоисточник ислама закрепляет настороженное отношение к народам, исповедующим многобожие, и ограничивает взаимодействие мусульман с ними, в частности, в условиях заключения брачных отношений: «Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют <...> И не выдавайте замуж за многобожников, пока они не уверуют» [Сура 2: 220].

Несмотря на относительно терпимое и доверительное отношение к христианам (как *самым близким по любви к уверовавшим*, Сура 5: 85), чем к иудеям и исповедующим многобожие, Коран призывает мусульман со следующими наставлениями: «Не берите иудеев и христиан друзьями: они — друзья один другому» [Сура 5: 56].

Не берите друзьями тех, которые вашу религию принимают как насмешку и забаву, из тех, кому до вас даровано писание, и неверных [Сура 5: 62].

По степени восприятия других культурных традиций и взаимодействия с иноверцами арабо-мусульманский мир продолжает оставаться чрезмерно категоричным. Не определяя четких смысловых границ понятия *священная война*, Коран придает ей статус бескомпромиссного оппонирования иноверцам и призывает противостоять тем, «*кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины*» [Сура 9: 29]. Религиозное измерение арабо-мусульманской культуры обеспечивает закрытость ее морфологических оснований и определяет строгие институциональные нормы коммуникативной культуры в контексте межкультурного диалога, которые, по сути, исключают альтернативный характер взаимодействия в отличие от менее императивных констант взаимоотношений в других религиях.

А.И.Смолик, доктор культурологии, профессор

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

МЕЧЕТИ КАК АРТЕФАКТ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

Центром религиозной и общественной жизни мусульман во все времена была мечеть (от арабск. *аль-масджид*). Первые мечети в Белорусско-Литовском государстве возникли еще во времена Витовта. Привилегии на их строительство давали великий князь или король. На территории Виленской епархии на это требовалось еще и разрешение католического епископа. Мусульмане могли строить только скромные, небольшие деревянные мечети. «Строительство роскошных мечетей, — писал автор «Risale...» в 1558 г., — связано с большими трудностями, потому что без разрешения правительства нельзя строить новые мечети, да и кто бы из наших сумел это сделать. Небольшая горстка мусульман не может построить даже бедный молитвенный дом... Когда же получено разрешение на строительство новой мечети, то строить ее можно только в таких частях города, где живут сторонники нашей веры. Но теперь мы имеем